



**АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ
БАЙДАК**

В 1972–1985 гг. начальник военного представительства на предприятии. Лауреат Государственной премии. Полковник в отставке.

Павел Алексеевич был «красным директором», человеком старой формации, крещеным и, как всякий старый человек, имел обыкновение рассказывать истории из своей жизни.

Порою он путал времена самодержавия и НЭПа, утверждая, что царь был негодяем, но мука и деньги были хорошими, а когда он работал молотобойцем, то на гривенник имел на обед фунт обрезков и хлеб.

И даже когда был членом райкома КПСС, мог прочесть «Отче наш», хотя на пенсии ушел от традиционного православия. При этом иногда с гордостью вспоминал, как его, беспартийного, главного инженера новоорганизованного ОКБ-857, после возвращения в Ленинград, в 1945 году, исключали в райкоме из рядов ВКП(б) за самоуправство и захват здания для ОКБ на улице Швецова.

Павел Алексеевич очень любил вспоминать свое первое путешествие на пароходе в Америку в составе делегации с товарищем А. И. Микояном. А также свою рабоче-крестьянскую сметку: собрать целый чемодан «по апельсинчику» со стола во время путешествия, и удивление американских таможенников при взгляде на этот багаж. А затем – свое удивление при виде автомата в холле гостиницы, выжимающего стакан свежего сока за 1 цент. И грусть оттого, что пришлось в течение нескольких дней после приезда выкидывать собранные апельсины.

У Павла Алексеевича было стойкое предубеждение к табаку и алкоголю. Видимо, поэтому любые рабочие посещения предприятия руководящими сотрудниками и начальниками министерств и военных ведомств проводились с утра и в дневное время, а вечерние совещания и ужины проводились на других предприятиях города.

Как-то ОКБ посещал летчик-космонавт, Герой Советского Союза Г. Т. Береговой, тогда пришлось уговорить Павла Алексеевича выставить на обед спиртное. Пришлось спрашивать у Георгия Тимофеевича: «Можно ли открывать коньяк?». Запомнился и ответ Георгия Тимофеевича: «И пиво тоже!». К чести Павла Алексеевича будет сказано, что своих подчиненных с небольшими слабостями он не преследовал и не перевоспитывал.

Советско-партийная система обязывала руководителей к определенным правилам поведения, и здесь Павел Алексеевич был весьма осторожен. Даже воскресный выезд на дачу в Белоостров он старался не совершать на служебной черной «Волге», а вызывал шофера к дому для выезда из гаража на личном «Москвиче».

В министерстве Павла Алексеевича ценили и знали как чрезвычайно обязательного и предусмотрительного руководителя, поэтому встреча зарубежных делегаций от МАП всегда поручалась ему. Бывали и эпизоды, которые Павел Алексеевич помнил и долго переживал. Как-то в городе была индийская делегация, в ее культурную программу входили Репинские Пенаты, и посещение там общественного туалета маршалом авиации Индии (в белоснежном мундире) вызвало с его стороны оценку «impossible» (невозможно, невероятно).

Нам, военным представителям ВВС, работалось с Павлом Алексеевичем легко, когда было нужно для дела, он шел на компромиссы по порядку работы, срокам, конструктивным, техническим и технологическим решениям. При этом мы никогда не пытались вмешиваться в два направления работы: по кадрам и по деньгам. Единственный запомнившийся мне вопрос, по которому я не нашел положительного отклика у Павла Алексеевича, – это когда я пытался убедить его в необходимости ввести должность главного программиста в ОКБ.

Имя главного конструктора Павла Алексеевича Ефимова связано у нас с целой серией приборного оборудования военных и гражданских самолетов, а также с огромным количеством фамилий других конструкторов, исследователей, технологов, инженерно-технических работников, работавших с ним, память о которых жива. Многих конструкторов и директоров в министерствах и главках называли по фамилиям, но Павла Алексеевича звали по имени и отчеству, и я так его и помню.